

Марина Ветрова

Партнёрша
ПО КОНТРАКТУ.
Я не принадлежу тебе!

Марина Ветрова

**Партнёрша по контракту.
Я не принадлежу тебе!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Партнёрша по контракту. Я не принадлежу тебе! / М. Ветрова —
«Автор», 2026

Я поступила в элитную академию танца ради мечты. А стала собственностью жестокого наследника.— Подпиши контракт, Алиса. Или забудь о стипендии и сцене! Марк Гольдберг заставляет меня репетировать до изнеможения, диктует, что носить, и наказывает за неповиновение. Его богатая поклонница Лиза мечтает занять моё место. Но однажды я узнаю страшную тайну: Марк намеренно провоцировал падения своих прежних партнёрш. Теперь я собираюсь победить его по собственным правилам. Только почему во время танца моё сердце предательски замирает от его прикосновений? И что случится, когда наследник поймёт: девушка, которую он хотел сломать, стала единственной, без кого он не способен танцевать?

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Ветрова

Партнёрша по контракту. Я не принадлежу тебе!

Глава 1

Зал «Эхо» пах лавандовым кондиционером и чужим богатством. Дома тем же кондиционером пахли только вещи, которые мама берегла «на выход». Здесь им стирали даже полотенца. Я стояла у входа, вцепившись пальцами в ремешок сумки так, что кожа побелела. Мои туфли, купленные на распродаже два года назад, скрипнули по идеально отполированному паркету, и этот звук прозвучал как выстрел в тишине репетиционного зала.

Внутри было светло. Слишком. Зеркала тянулись от пола до потолка, отражая бесконечные ряды тел, застывших в ожидании своей очереди. Девочки с идеальными осанками, мужчины с мышцами, которые казались высеченными из мрамора. Никто не подвинулся, чтобы пропустить меня к станку. Пришлось остановиться у двери, с сумкой на плече, как будто я ошиблась этажом.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Ноги предательски скользили. Я чувствовала себя нелепо: слишком широкие плечи для их хрупких балетных пачек, слишком резкие движения для их текучей пластики. Страх ошибки парализовал мышцы, превращая тело в камень. Если я упаду здесь, если хоть один элемент будет кривым, декан Верещагин посмотрит на меня так, будто я мусор, который случайно занесло ветром. А без этого гранта меня ждёт только одна дорога — обратно в свой пыльный городок, где танцы — это роскошь, которую нельзя себе позволить.

«Начинай», — приказала я себе. «Преврати нервозность в оружие».

Оставив сумку и куртку на скамье, я сделала глубокий вдох и шагнула в центр круга света. Воздух обжигал лёгкие. Музыка включилась внезапно — рваный бит контемпорари, резкий, почти агрессивный. Я не стала ждать паузы. Влетела в ритм, используя свою угловатость как преимущество. Прыжок, разворот, падение на спину с мгновенным возвратом в стойку. Я танцевала не красиво. Я танцевала зло. Каждый удар ногой о пол был криком: «Я здесь. Я существую. Заберите мои деньги, но не забирайте моё место».

У зеркала справа стояла Лиза Романова. Она даже не повернула головы, но её голос, звонкий и властный, разрезал музыкальную ткань.

— Слышите этот топот? — она обращалась к своим подругам, поправляя прядь светлых волос, уложенных в безупречную косу. — Это не техника. Это попытка заглушить отсутствие таланта шумом. Туфли дешёвые, пластик ломается. Посмотрите, как она держит руки. Как будто боится, что её ударят.

Смешки были тихими, но я слышала каждый вздох. Внутри всё сжалось в узел стыда. Хотелось остановиться, убежать, свернуться в комок. Но вместо слов я увеличила амплитуду прыжка. Подняла ноги выше, вытянула пальцы ног до боли. Пусть видят. Пусть видят мощь, которой нет у них, запертых в золотых клетках своих фамилий.

Кульминация номера требовала сложного перехода — высокий батман с последующим пируэтом. Я собралась, почувствовала опору в центре стопы. И в этот момент кто-то толкнул меня локтем. Не сильно. Достаточно, чтобы нарушить баланс. Лиза прошла мимо, даже не глядя в мою сторону, продолжая улыбаться своей свите.

Мир перевернулся. Я потеряла равновесие и полетела назад, прямо на человека, который только вошёл в зал со стороны служебного выхода.

Он успел повернуться ко мне. Я врезалась ему в грудь, и инерция бросила нас обоих в стол режиссёра, стоявший на краю зала. Стакан с водой слетел на пол и разбился. Вода брызнула серебряной лужей, а мы рухнули следом. Марк Гольдберг упал прямо в эту лужу, его белая рубашка мгновенно потемнела от воды, прилипнув к телу. Тишина стала оглушительной. Ни звука шагов, ни шороха ткани. Только тяжёлое дыхание и капля воды, скатившаяся с его подбородка.

Я лежала поверх него, чувствуя жар его кожи через мокрый хлопок. Шок сковал челюсть. Идеальная картинка академии «Эхо» треснула. Под моей ладонью хрустнул осколок стакана. Утром я боялась кривого пируэта, а теперь лежала на главном солисте академии. На мокром, злом главном солисте.

Марк не кричал. Он медленно поднял голову. Его глаза, тёмные и непроницаемые, нашли мои. В них не было гнева. Там было что-то другое. Оценивающее. Холодное. Как у хищника, который заметил новую добычу.

Он наклонился ближе, и я почувствовала запах мокрого хлопка и дорогого парфюма с нотами табака и цитруса.

— Ты только что потеряла шанс попасть в мой дуэт, — прошептал он мне на ухо, так тихо, что слышала только я. — Или вернёшь его ценой своего достоинства?

Ответить я не успела: дверь зала открылась, и ассистент постучал каблуками — декан требовал к себе. Коридор до его кабинета я шла, не чувствуя ног, а слова Марка мерзко оседали где-то между лопатками.

Кабинет декана Верещагина пах старыми книгами и страхом. Я сидела на стуле, дрожа всем телом. Вода ещё сочилась из моей футболки, оставляя темное пятно на спинке стула. Марк стоял у окна, уже переодевшись в сухую черную водолазку, но он по-прежнему следил за мной, даже когда говорил декан.

Лиза плакала. Красиво, профессионально, одной слезинкой, которая скатывалась по щеке.

— Папа, ты должен её исключить! — всхлипывала она, глядя на отца, ректора академии, который сидел рядом с деканом и слушал с каменным лицом. — Она агрессивна. Она чуть не сломала нам оборудование. И посмотри на неё... грязная провинциалка, которая думает, что может врываться в элитный класс, толкаясь локтями. Это неуважение к традициям школы.

Декан Верещагин перевёл взгляд с Лизы на меня, потом на Марка.

— Алиса Вересова, — произнес он, словно пробуя имя на вкус. — Вы понимаете серьезность ситуации? Нарушение техники безопасности, порча имущества, конфликт с ведущим солистом. Стипендия... аннулируется. Немедленно.

Я открыла рот, чтобы сказать, что это была случайность, что Лиза толкнула меня, но слова застряли в горле. Лиза сидела рядом с отцом. Он даже не спросил, с чего я упала. Я сжала мокрый край футболки, чтобы перестали дрожать пальцы.

— Она двигалась правильно, — вдруг сказал Марк. Его голос был ровным, лишенным эмоций. Все замерли. Даже Лиза перестала всхлипывать.

Верещагин удивленно поднял брови.

— Простите, Марк?

— До падения, — уточнил сын владельца академии, не отводя глаз от меня. — У неё есть база. Есть огонь. И есть то, чего не хватает всем остальным. Дисциплина тела через боль. Она не испугалась упасть. Большинство из этих... — он обвел рукой комнату, указывая на Лизу, — ...визжали бы.

Лиза покраснела, открыв рот для возражения, но отец жестом остановил её.

Марк сделал шаг ко мне. Он нависал сверху, заполняя собой все пространство кабинета.

— Ультиматум, Алиса, — произнес он, снизив голос до бархатного шепота, который звучал громче любого крика. — Ты становишься моей партнёршей до финального концерта.

Ты делаешь всё, что я скажу. Любое упражнение, любой отказ, любое унижение ради работы над пластикой. Или я лично добьюсь твоего отчисления за угрозу жизни и здоровью студента. Выбор за тобой.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Инстинкт самосохранения орал: «Беги!». Гордость кричала: «Откажись!». Но перед глазами всплыло лицо мамы, которая экономила на лекарствах, чтобы отправить меня сюда. Перед глазами мелькнул пустой холодильник и перспектива вернуться в нищету.

Он стоял слишком близко; чтобы посмотреть ему в лицо, пришлось запрокинуть голову.

— Да, — выдохнула я. Одно слово. Приговор. Обещание.

Декан бормотал что-то о дисциплине и испытательном сроке. Слова долетали как сквозь воду: в голове стучало только одно — «да».

Перед вызовом к декану я успела забрать сумку и куртку со скамьи. Теперь, выходя из кабинета, чувствовала себя выжатой лимонной кожурой. Коридор академии был полон людей, и казалось, что стены слушают. Новости распространяются быстрее, чем вирусы.

Я увидела группу девушек у вендингового автомата. Среди них Лиза. Никаких слёз: губы подкрашены, коса поправлена. Увидев меня, она положила телефон экраном вниз. Когда я прошла мимо, её голос раздался отчетливо, специально громко, чтобы слышали все.

— Купила место телом, конечно же. Что еще может предложить такая, как она? Марк просто использовал её для рекламы своего нового образа. Грязная провинциалка, которая теперь ходит в его тени.

Девушки захихикали. Кто-то отвел взгляд, кто-то посмотрел на меня с презрением. Изоляция накрыла меня волной. Внутри всё рвалось на части, хотелось кричать, драться, доказывать. Но я лишь высоко подняла подбородок, чувствуя, как дрожат колени, и прошла сквозь них. Шаг. Шаг. Шаг. Не останавливаться. Не показывать слабость.

На выходе из коридора кто-то мягко положил руку мне на плечо. Я вздрогнула, ожидая удара, но почувствовала тепло человеческой ладони.

Кирилл Соколов, молодой преподаватель хореографии, стоял рядом с папкой в руках. Его глаза были спокойными, но в них читалось понимание.

— Держись, Алиса, — тихо сказал он. — Ты справишься лучше, чем они думают.

Кивнула, не в силах говорить, и наконец разжала пальцы: ремешок сумки уже оставил на ладони красную полосу. Но когда я подняла глаза, то увидела, как Марк, стоящий у дальней двери, наблюдал за нами. Его лицо было неподвижно, но в глазах блеснуло что-то темное. Ревность? Или расчет? Он отвернулся первым, исчезая в тени коридора.

Глава 2

Ночь в общежитии была тихой, только ветер завывал в щелях старых окон. Я лежала в кровати, уставившись в потолок. Тело ныло после дневного стресса, а разум крутил одну и ту же пластинку: «Что я натворила?».

Поднимая со стула куртку, я услышала хруст бумаги в кармане. Достала визитку. Чёрная матовая бумага, серебряное тиснение. Номер телефона. Марка.

Когда она успела попасть туда? Может, когда я падала? Может, он специально подсунул? Злость, накопленная за день, прорвалась наружу. Я не буду игрушкой. Я не буду молчать. Я схватила телефон, набрала номер. Долгие гудки. Сердце пропускало удар за ударом.

Щелчок.

— Слушаю, — голос Марка был низким, усталым, лишенным той театральности, которая была днем.

— Ты думаешь, я согласилась из страха? — выпалила я, прежде чем успела подумать. — Я не буду играть по твоим правилам. Я сделаю это, потому что мне нужно. Но я не твоя собственность.

Тишина на том конце провода длилась вечность. Потом раздался короткий, сухой смешок. Не веселый. Горький.

— Ты думаешь, это был случай? — спросил он, и вопрос повис в воздухе, тяжелый, как камень. — Я ждал того, кто сможет меня сбить. Тех, кто не испугается упасть вместе со мной. Ты единственная, кто не закрыла глаза.

Кровь отхлынула от лица. Падение. Столкновение. Разбитый стакан.

Он знал. Он планировал.

— Ты... ты это подстроил? — прошептала я.

— Искусство требует жертв, Алиса. Иногда это вода. Иногда — достоинство. — Его голос стал жестче. — Завтра в шесть утра. Зал номер три. Не опоздай.

Я повесила трубку. Экран погас, оставив на нём лишь отражение моего лица — искажённое, мокрое от слёз, которые я отказывалась выплакать. Завтра он будет смотреть на меня так, будто я его собственность. А я буду учиться кусаться.

Утро выдалось серым и липким. Я шла в академию по уже привычной дороге, но сегодня каждый шаг отдавался тяжестью: после моего «да» отступать было некуда.

Кабинет декана Верещагина пах старой бумагой, лимонным ароматизатором и чьим-то безразличием. Стены давили на виски, будто сжимались в тиски. Я стояла посреди комнаты, чувствуя себя экспонатом в музее неудачников. После вчерашнего «да» меня всё равно вызвали подписывать бумаги. Утреннюю встречу Марк отменил сообщением: «Сначала к декану». Теперь я жалела, что не потребовала показать бумаги сразу.

Верещагин не смотрел на меня. Он перелистывал страницы моего дела, как скучный роман.

— Либо ты становишься партнершей Гольдберга до финального концерта, либо ты свободна от академии. И обязана вернуть полную стоимость обучения за два семестра. Цифры я тебе пришлю на почту к вечеру.

Мое горло перехватило спазм. Деньги? У моих родителей таких денег нет даже на ремонт крыши.

— Давайте найдем компромисс, — голос дрогнул, но я заставила его звучать тверже. — Дайте мне неделю адаптации. Или поставьте другую девушку. Посмотрите список тех, кто проходил прослушивание параллельно со мной. Они готовы.

Декан поднял глаза. Холодные, водянистые.

— В списке пять человек, которые уже ждут этого места. «Эхо» — благотворительная организация для провинциалок, Алиса? Нет. Мы инвестируем в бренд. А Гольдберг — это бренд. Ты просто инструмент, который должен работать исправно. Если сломается — выбросим.

В этот момент дверь распахнулась без стука. На пороге возникла Лиза Романова. Идеальная укладка, идеальная улыбка, идеальная злоба.

— Папа сказал, что вы забыли подписать документы о конфиденциальности, — она прошла внутрь, игнорируя мое присутствие. От её духов защипало в носу. Отойти было некуда: позади меня стоял стул.

Лиза остановилась в шаге от меня. Я молчала, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Не дай ей повода. Не дай им триумфа.

Но Лизе нужен был повод. Она специально толкнула меня плечом — жестко, уверенно, как бычок рогами. Моя сумка соскользнула с плеча и упала с глухим стуком. Содержимое рассыпалось по ковру: старые тетради с хореографическими набросками, потертый блокнот, дешевая ручка.

— Господи, какая нищета, — протянула Лиза, пнув носком туфель одну из тетрадей. Бумаги разлетелись веером. — Смотришь на это и понимаешь, почему ты не можешь танцевать рядом с Марком. У тебя пластика ломается от страха быть раскрытой. Ты грязная, Алиса. И неподготовленная.

Я не поднимала глаз. Смотрела на свои руки, дрожащие над ковром. Чувство унижения было физически ощутимым, как ожог.

И тогда в дверном проеме появился он.

Марк Гольдберг. Высокий, худой, в черной водолазке, которая сидела на нем как вторая кожа. Он не вошел полностью, остался в тени коридора, наблюдая. Его взгляд скользнул по мне, потом по Лизе, потом по разбросанным вещам.

— Твоя пластика действительно ломается, — тихо произнес Марк. В его голосе не было злости, только холодный анализ хирурга. — Выпрямись. Прямо сейчас. Покажи, что ты не рабыня обстоятельств.

Тошнота подкатила к горлу. Демонстрировать тело на заказ перед этими двумя? Перед деканом, который считал меня цифрой, и перед девочкой, которая ненавидела меня за существование?

— Нет, — сказала я. Слово вышло хриплым, но четким.

Марк сделал шаг вперед. Тишина в кабинете стала оглушающей.

— Если ты не подпишешь бумагу прямо сейчас, я лично прослежу, чтобы твой номер завтра на занятии Кирилла Соколова был снят как «технически несовершенный». Тебя просто не выпустят на сцену. Ни разу. Ты будешь смотреть, как другие живут твоей мечтой.

Угроза висела в воздухе, густая и липкая. Я попыталась сделать шаг к двери, к спасению, к свободе. К той жизни, где никто не будет диктовать мне, как дышать.

— Лучше потерять деньги, чем стать игрушкой тирана, — бросила я, хватаясь за ручку двери.

Дверь не поддавалась. Декан Верещагин блокировал проход своим телом. Он медленно достал телефон, начал набирать номер куратора общежития.

— Нарушение дисциплины студенткой Вересовой, — монотонно пробормотал он в трубку. — Просьба подготовить пакет вещей для выселения. Да, сегодня. Зима, Алиса. Санкт-Петербург зимой холоден. А у тебя нет ни денег, ни жилья, ни будущего. Куда ты пойдешь? В свой городок, где танцы — это самодеятельность в клубе?

Холод прошел меня насквозь. Физический, реальный холод беспомощности. Я чувствовала, как ноги становятся ватными. Мне некуда идти. Никто не встретит. Это была ловушка, захлопнувшаяся щелчком замка.

Марк подошел ближе. Так близко, что я почувствовала запах его кожи — сандал и металл. Он положил руку мне на плечо. Жест выглядел как поддержка, почти нежно, если не знать правды. Его пальцы впивались в ткань моей рубашки, ограничивая свободу движения.

— Подпиши, — шептал он мне на ухо, и его дыхание обожгло шею. — Или я сделаю так, что тебя возненавидят все. Включая Кирилла. Я скажу ему, что ты пыталась соблазнить меня ради стипендии. Скажу, что ты использовала свое тело, пока он учил тебя искусству. Твой единственный союзник станет твоим врагом.

Я резко стряхнула его руку. Пальцы Марка соскользнули, смяв рукав. Я разгладила его, всё ещё чувствуя хватку на плече.

Гробовая тишина повисла в комнате. Даже Лиза замерла, забыв насмешливую улыбку.

Марк улыбнулся. Но глаза его стали пустыми, как два черных провала. Он посмотрел на декана и коротко кивнул.

— Она согласна. Просто эмоциональна. Простим ей истерику.

Передо мной лег контракт. Белоснежный лист бумаги с мелким шрифтом. Пункт 4. «Обязательство выполнять любые методические указания партнера по пластике и внешнему виду».

— Что это значит? — спросила я, читая вслух. Голос предательски дрожал. — Какие именно указания?

Верещагин пожал плечами, не отрывая взгляда от телефона.

— Стандартные условия для дуэтов высокого риска. Гольдберг известен своими методами. Если формулировка тебе не нравится — можешь не подписывать. Но тогда ты уходишь сегодня же. Без рекомендаций. Долг перед школой. Черный список в индустрии. Выбирай.

Верещагин держал телефон у уха. Я слышала, как на том конце спрашивали номер моей комнаты.

Я взяла ручку. Пластиковый корпус скользил в потной ладони. Я вытерла пальцы о джинсы, ненавидя то, что они оба терпеливо ждали. Рука дрожала так сильно, что даже пробная черта на полях вышла неровной. Я посмотрела на Марка. Искала хоть искру человечности, хоть намека на сожаление.

Он отвернулся к окну, глядя на серый петербургский пейзаж. Ему было плевать на мои чувства. Важен только результат. Только чистота движения. Только победа.

В этот момент всё перевернулось внутри.

Марк смотрел в окно, пока я перечитывала пункт четвёртый. Даже не проверял, заплачу ли. Он уже решил, что подпишу. От этого захотелось забрать лист у декана и разорвать пополам.

Я перечитала четвёртый пункт ещё раз и остановила ручку над строкой подписи. Раз уж им нужен мой танец, придётся дать мне хоть что-нибудь взамен.

Сначала я узнаю, чего он требует на репетициях и чего сам боится. Он будет смотреть на мои ноги; я — на его ошибки. Уходить сегодня без денег мне некуда. Подписать бумагу ещё не значит поверить ему.

Я расписалась и отодвинула ручку, прежде чем успела перечеркнуть собственное имя.

— Хорошо, — сказала я, поднимая голову. Взгляд был прямым, спокойным. — Я писала. Теперь идите на работу, декан. И вы, Романова, тоже. Здесь не место для зрителей.

Лиза фыркнула, поднимая свою сумочку, и вылетела из кабинета, довольная тем, что видела мою капитуляцию. Марк не обернулся. Он просто вышел, растворившись в коридоре, оставляя после себя вакуум.

Верещагин кивнул секретарше, забирая документ.

— Свободна. Репетиция в зале №1 через час. Не опоздай.

Собрала с ковра тетради, блокнот и ручку, застегнула сумку и вышла в коридор. Академия «Эхо» шумела, как улей. Студенты скользили мимо, обсуждая последние новости. Кто-то

смеялся. Кто-то плакал в туалете. Никто не обращал на меня внимания. Для них я была просто новенькой, которую купили за цену собственного достоинства.

Я шла по длинному, бесконечному коридору, где эхо шагов отдавалось в голове гулом. Холод зимнего Петербурга проникал сквозь окна, кусал за уши. Я чувствовала себя пустой оболочкой. Экземпляр контракта лежал в кармане пальто, еще влажный от напряжения моих рук.

И тут я почувствовала легкий толчок в рукав.

Глава 3

Кирилл Соколов прошёл навстречу и, задев мой рукав, сунул в ладонь сложенный вчетверо листок. Когда я подняла глаза, он уже отошёл к колонне. Тихий преподаватель хореографии. Он не смотрел на меня. Он смотрел в окно, делая вид, что задумался. Но когда наши взгляды случайно пересеклись, он едва заметно кивнул.

Я прижала записку к груди, чувствуя, как колотится сердце. Медленно, чтобы никто не заметил, развернула клочок бумаги. Почерк был нервным, быстрым, но аккуратным.

«Не верь ни одному его слову. Завтра приходи в зал №3 в 6 утра. Я знаю, как сломать его правила, не ломая тебя. Если начнёшь паниковать: вдох на четыре счёта, выдох на семь. Не через силу».

На сгибе бумаги темнело ещё влажное кофейное пятно. Пока я сидела там, Кирилл, похоже, искал для меня выход.

Я смяла записку в кулак, пряча её глубоко в карман, рядом с копией подписанного контракта.

Лиза торжествовала. Марк получил свою куклу. Декан закрыл сделку.

Они думали, что победили.

Но они не знали, что жертва только начала учиться кусаться. И у неё теперь есть учитель.

Зал номер три я нашла за десять минут до шести — опоздать было страшнее, чем прийти. Через порог вошла, как через линию фронта.

Воздух в зале «Эхо» пах канифолью, потом и дорогим парфюмом Лизы. Я стояла у входа, сжимая в потных ладонях снятый свитер. Я ещё не успела размяться, а Марк уже выбрал за меня одежду.

Марк Гольдберг сидел на полу, спиной к зеркалу, и листал что-то в телефоне. Его босые ноги выглядели слишком совершенными для этого мира. Когда я вошла, он даже не поднял головы. Только указательным пальцем ткнул в лежащий на пуфе комплект: черные леггинсы до щиколоток и кроп-топ, который больше напоминал бинты.

— Переоденься, — его голос был тихим, но резким, как скальпель.

Я замерла.

— Это униформа? Она мне мала. Я не смогу дышать.

Марк наконец поднял глаза. Холодные, серые, без единой искры тепла.

— Ты должна чувствовать границы тела, Алиса. Иначе ты — пустота. А пустота в дуэте со мной мертва.

— Это садизм, а не методика, — процедила я, чувствуя, как кровь приливает к щекам от стыда.

Он медленно встал. Высокий, худощавый, опасный. Он показал рукой на камеру наблюдения в углу зала, красная лампочка которой мигала, как сердце хищника.

— Декан смотрит. Контракт подписан. Если ты не переоденешься за две минуты, я сам выведу тебя из класса. Стипендия аннулируется автоматически. Выбор за тобой, Вересова.

Забрав комплект, я ушла за ширму у раздевалки. Пальцы дрожали на молнии сумки. Когда вернулась, леггинсы впивались в бедра, ткань натирала кожу, создавая ощущение, будто меня затягивают в корсет из нейлона. Кроп-топ сдавливал грудь, ограничивая каждый вдох до коротких, поверхностных глотков воздуха. Я чувствовала себя зверем в загоне, выставленным на обозрение.

— Готово, — выплюнула я, стараясь, чтобы голос не сорвался.

Марк оценивающе оглядел меня. Ни капли жалости. Только удовлетворение исследователя, которому досталась интересная игрушка.

— Начнем разминку. Позиция четыре. Руки вверх.

Мы начали двигаться. Синхронно, поначалу. Но стоило нам войти в ритм, как Марк изменил темп. Не сбился, а именно изменил. Он сделал резкий прыжок, когда я была в моменте подготовки к опоре.

Моя нога соскользнула. Центр тяжести сместился. Инстинкт кричал: «Падение!». Я инстинктивно схватилась за его плечо, вцепившись ногтями в тонкую ткань футболки.

Вместо того чтобы поддержать меня, Марк резко отдернул руку. Как будто моё прикосновение было заразной болезнью.

Я рухнула. Спина ударилась о паркет так, что перед глазами вспыхнули белые искры. Тишина зала стала оглушающей. Я слышала только свое прерывистое дыхание и шепоток, прокатившийся по классу.

Лиза Романова, сидящая на балетном станке в дальнем углу, прикрыла рот ладонью, но её глаза сияли торжеством. Она толкнула локтем соседку, и они обе хихикнули.

— Вставай, — приказал Марк. Он не протянул руки. Не спросил, всё ли в порядке. Просто отвернулся, начиная новую связку.

Я встала. Колени подгибались, спина горела огнем. Каждый взгляд студентов ощущался как физический удар. Моё тело здесь было не моим. Оно было инструментом чужого самодовольствия, мишенью для их скуки и зависти.

— Повторяем поддержку. Пятьдесят раз. Без остановок.

— Что?! — взвизгнула я, забыв про боль. — У меня травма!

— Это проверка устойчивости, — равнодушно ответил он. — Начинай.

Первые десять раз прошли на автопилоте. Я принимала его вес на сцепленные ладони, пока он, оставаясь на одной ноге, переносил корпус ко мне. С каждым наклоном мышцы спины сводило всё сильнее. На двадцатом мои руки затряслись. На тридцатом мир начал плыть. Пот заливал глаза, соль жгла веки.

— Хватит! — мой голос сорвался на крик, эхом отдавшись в стенах. — Я не могу больше!

Марк остановился. Он не повысил голос. Не ударил кулаком по стене. Он просто посмотрел на часы на запястье.

— Три секунды тишины, и ты нарушила дисциплину. Десять секунд, и ты потеряла партнёра. Двенадцать... или ты танцуешь дальше, или уходишь без стипендии. Выбор за тобой, Вересова.

На двенадцатой секунде он потянулся за телефоном. Я успела встать в позицию раньше, чем он разблокировал экран. Он кивнул, даже не глядя на меня.

Я молча вернулась в позицию. Тело болело, но гордость требовала закончить то, что начала. Или хотя бы начать снова.

На сорок пятом повторении Марк усложнил задачу.

— Теперь одна рука. Стой на носках. Я буду читать.

Его телефон завис над головой. Он листал ленту новостей и давил свободной ладонью на мою вытянутую руку, заставляя держать сопротивление. Я стояла на полупальцах и считала секунды до команды «хватит». Мышцы предплечья кричали от боли, плечевой сустав, казалось, вот-вот вылетит.

«Дыши, Алиса. Вдох на четыре счёта, выдох на семь», — вспомнила я слова Кирилла. Я закрыла глаза, уходя внутрь себя, отрезая сигналы тела. Я считала до семи. На шестом воздух уже кончался, приходилось начинать заново.

— Ты думаешь, что медитация спасет тебя от реальности? — голос Марка раздался прямо надо мной. Циничный, насмешливый. — Ты просто слабая. Твой мозг пытается обмануть мышцы. Но они знают правду. Открой глаза. Посмотри на свой провал.

Открывать глаза было невыносимо. Зал кружился. Студенты смотрели. Лиза снимала это на телефон, пряча устройство за пачкой салфеток. Я чувствовала, как внутри рвется последняя нить контроля. Паника подступила к горлу комком.

Пауза между упражнениями длилась недолго. Я шла к бутылке воды, шатаюсь, как пьяная.

Лиза возникла из ниоткуда. Её локоть, острый и холодный, врезался мне в ребра. Я пошатнулась, теряя равновесие, и ударилась плечом о большое зеркало.

Гром. Стекло завибрировало, отражая мою гримасу боли и удивления.

Я развернулась, сжимая кулаки, готовая дать сдачи, готовая орать, готовая растоптать эту «золотую девочку». Но увидела Марка. Он стоял рядом, прислонившись к стене, и наблюдал за мной с любопытством энтомолога, изучающего жука в банке.

— Тебе больно? — спросил он спокойно.

— Нет, — соврала я, всхлипнув.

— Или тебе обидно? — он наклонился ближе. — Разница важна для пластики. Боль делает движения жесткими. Обида — ломкими. Что из этого сейчас?

Я остолбенела. Он не защищал меня. Он не наказывал Лизу. Он превращал моё унижение в учебное пособие. Лиза поправляла рукав там, где её локоть ударил меня. Он видел это и всё равно ждал ответа от меня. Больно или обидно? Хотелось ударить обоих.

И тут что-то оборвалось.

Слезы полились сами собой. Горячие, соленые, унижительные. Я плакала посреди зала, пытаюсь смыть пот и грязь, которую на меня высыпали эти люди. Мне хотелось исчезнуть. Раствориться в паркете.

Но тишины не наступило.

Резко включилась музыка. Громкая, агрессивная электроника, бьющая по барабанным перепонкам. Марк повернул регулятор на колонке до максимума.

— Слезы мешают балансу, — крикнул он сквозь музыку, его лицо оставалось каменным. — Вытри их и продолжай. Зал смотрит. Ты показываешь спектакль. Играй роль жертвы до конца, если хочешь аплодисментов.

Это было хуже побоев. Он лишал меня права на личную трагедию, превращая мою истерику в контент для зрителей. Лиза и другие студенты переглядывались, кто-то смеялся, кто-то отвлекался, но никто не подходил помочь. Я была одна на этом свету, в этой клетке.

Финальная связка. Последняя попытка.

Мы должны были сделать сложный переворот с падением. Я знала каждое движение на уровне рефлексов, но тело отказывалось слушать. Мышцы были каменными. Голова кружилась от обезвоживания и слез.

— Давай, Алиса. Один раз. Идеально.

Мы начали. Ритм захватил меня на мгновение. Я почувствовала ту самую магию, ради которой пришла сюда. Но на переходе в поддержку моя нога скользнула по влажному от моего же пота паркету.

Центр тяжести сместился. Я не успела среагировать. Марк полетел назад.

Я инстинктивно дёрнула его за руку, удержав от полного падения, но мы оба рухнули на колени. Мой локоть врезался в колено Марка.

Тишина после музыки была звенящей. Я застыла, ожидая удара. Крика. Оскорбления. Чего угодно, кроме этого взгляда.

Марк медленно поднялся. Он отряхнул брюки, хотя пыли там не было. Подошел ко мне вплотную. Так близко, что я чувствовала запах его кожи — дорогой древесины и холода.

Он взял моё лицо в свои руки. Пальцы были ледяными. Я вздрогнула, но не отстранилась.

— Ты была идеальна ровно три секунды назад, — прошептал он так тихо, что слышала только я. В его глазах не было злости. Там был голод. — Почему ты перестала быть мной?

Он не прощал ошибку. Он присваивал её. Он говорил не о технике, а о слиянии душ. О том, что я принадлежу ему, даже когда падаю.

Он всё ещё держал моё лицо, ожидая ответа. Быть им? Я даже дышать сейчас хотела по-своему. Убрала его пальцы со щёк, по одному, и только тогда смогла отступить.

Глава 4

Раздевалка встретила меня холодом и запахом хлорки. Я села на скамейку, глядя на свои дрожащие руки. Кожа на ладонях была стерта до крови от опоры о пол.

Дверь открылась бесшумно. Кирилл Соколов стоял на пороге с двумя бумажными стаканчиками. Пар от чая поднимался тонкой струйкой.

— Я видел, — сказал он мягко, подходя ближе. — Держи. Сахар помогает при шоке.

Я взяла стакан. Тепло проникало в пальцы, но не могло согреть душу.

— Спасибо, — прошептала я.

Кирилл хотел сказать что-то еще, может быть, обнять, может быть, успокоить. Но я подняла голову и посмотрела в зеркало напротив.

В зеркале у меня опухли веки, а на щеке осталась красная полоса от его пальцев. Кирилл что-то говорил, я кивала и всё равно слышала: «Почему ты перестала быть мной?» Хотелось плеснуть чаем в зеркало. Вместо этого я обхватила стакан обеими руками.

В своём молчании я узнала Марка.

Если я останусь здесь ещё месяц, ещё два, ещё год... я стану им. Я научусь использовать людей как инструменты. Я забуду, что такое тепло. Я буду танцевать идеально, но мне станет всё равно, кто рядом упал.

И это было страшнее любой боли, которую мне причинил сегодня Гольдберг.

Ночь прошла в перерывах между тревогой: я засыпала и просыпалась от звука собственного сердца.

Утром мы с Кириллом встретились в третьем зале. Он показал, как уходить из сорванной поддержки на бок, не подставляя позвоночник. Марку об этом я не сказала. На следующей вечерней репетиции меня едва не вырвало прямо на паркет. Я стиснула зубы и сглотнула кислую слюну. Снова. И снова. Пока Марк Гольдберг не крикнул: «Стоп».

Я замерла в неудобной позе, чувствуя, как горят мышцы бедра и предплечья. Мы повторяли этот элемент поддержки уже час. Или два? Время здесь текло иначе — оно вязло, как засохшая краска.

— Твоя пластика мертва, Вересова, — голос Марка был тихим, но от этого он резал уши сильнее крика. Он даже не посмотрел на меня. Смотрел в зеркало, поправляя манжету своей рубашки. Идеальной. Без единой складки. — Ты танцуешь как робот, у которого села батарейка. Завтра повторим. А теперь вон из зала.

Он отвернулся. Я почувствовала себя использованной салфеткой. Но ноги держали меня ровно до порога. Только там, в полумраке коридора, колени подкосились, и я вцепилась пальцами в холодную стену, чтобы не упасть.

В нос ударил запах дешевых духов и нервного пота. Лиза Романова вышла из тени ниши, скрестив руки на груди. Она улыбнулась и сразу посмотрела за моё плечо: проверяла, слышит ли её кто-нибудь ещё.

— Видела тебя со стороны, — шепнула она, подходя ближе. Её туфли стучали по плитке ритмично, как метроном. — Ты думаешь, он тебя простит за то падение? За тот стакан воды? Нет, Алиса. Он просто сломает тебя медленнее. По частям. Чтобы никто не заметил, что ты вообще была здесь.

Она наклонила голову, разглядывая моё лицо. Ждала, что я остановлюсь и начну оправдываться. Мне нужно было ответить. Нужно было выплюнуть ей в лицо всю свою ярость, сказать, что она — пустая кукла с папиными деньгами. Но я знала правила игры. Любая вспышка — повод для исключения. Любое слово против «золотой девочки» — доказательство моей провинциальной грубости.

Поэтому я сделала то, чего она не ждала. Я опустила голову. Посмотрела на свои грязные кроссовки. Прошла мимо неё, как мимо столба. Молча. Не глядя.

Лиза фыркнула, разочарованная, и продолжила путь к лифтам. Я позволила себе едва заметную усмешку, прячась за углом. Лиза даже остановилась у лифта и оглянулась. Ждала ответа. Я дождалась, пока закрылись дверцы, и только тогда позволила себе прислониться к стене.

Коридоры академии «Эхо» ночью превращались в лабиринт теней. Старое здание, кирпич и дерево, помнило времена, когда здесь учили императорских детей. Сейчас здесь учат выживать тех, кто платит миллионы или унижается ради гранта.

Резко мигнул свет. Потом погас. Полная темнота обрушилась на меня сверху, плотная и давящая. Плановая проверка проводки, предупреждали утром. Но в этой тьме мой разум начал рисовать картинки. Стены сужались. Потолок опускался. Воздуха не хватало. Клаустрофобия, которая спала годами после переезда из крохотной квартиры в Питер, проснулась и вцепилась мне в горло.

Попытавшись сделать шаг, я наступила на свисающий конец шарфа и рухнула вперёд, ударившись коленями о пол. Боль была острой, но страх перед неизвестностью затмил её. Я задыхалась. Сердце билось так сильно, что отдавало в висках гулом.

— Не двигайся.

Голос был рядом. Низкий, спокойный, без ноток насмешки. Свет мобильного телефона вспыхнул лучом вниз, освещая мои дрожащие руки и пыльные колени. Кирилл Соколов сидел на корточках напротив. Его очки бликовали в слабом свете экрана.

— Держись за мою куртку, — сказал он, протягивая руку. На ней не было часов, только тонкое золотое кольцо, которое он крутил большим пальцем. — Идем медленно. Шаг за шагом. Я не оставляю тебя одну в темноте.

Я схватилась за ткань его джинсовой куртки. Пальцы свело от холода, но контакт дал мне точку опоры. Мы шли медленно. Кирилл не торопил. Он просто шел рядом, слегка поддерживая за локоть, чтобы я чувствовала направление движения. По светлomu пятну от телефона я видела следующую плитку. Пока хватало и этого.

Когда мы вышли на пожарную лестницу, ночной воздух Петербурга хлестнул меня в лицо. Влажный, соленый, пахущий Невой и бензином. Я отпустила его рукав и резко отдернула локоть, словно обожженная.

— Мне не нужна ваша жалость, — бросила я, опираясь спиной о холодное металлическое ограждение. Ноги дрожали, но я старалась стоять прямо. — Я справлюсь сама. Уходите.

Кирилл не обиделся. Он просто сел на первую ступеньку, положив телефон рядом, экраном вверх. Свет заливал его лицо снизу, делая черты резкими, почти зловещими, но глаза оставались мягкими.

— Это не жалость, Алиса. Это уважение, — сказал он, глядя куда-то вдаль, на огни Васильевского острова. — Ты танцуешь лучше всех в этом здании. Даже когда плачешь. Даже когда тебя рвет от напряжения. Твое тело знает ритм, которого нет у этих богатеньких кукол. Но ты делаешь одну ошибку.

Я молчала, ожидая удара.

— Ты веришь ему.

Я подняла голову. Кирилл больше не смотрел на город — смотрел на меня.

— Марк не бог, — продолжил Кирилл, поворачиваясь ко мне. — Он человек. И люди делают ошибки. Или специально создают их.

— Почему вы молчали? — спросила я тихо. В горле стоял ком. — Когда он ломал меня сегодня. Вы же видели. Вы же преподаватель. Почему вы ничего не сказали декану?

Кирилл вздохнул. Он достал из кармана старый планшет, включил его. Экран показал серию видеофайлов.

— Потому что это не первый раз, — он повернул планшет ко мне. — Смотри.

На записи был другой зал, другая партнерша. Высокая, бледная девушка в белом трико. Марк держал её за талию, готовясь к прыжку. Внезапно он отпускает руки на долю секунды раньше времени. Девушка теряет равновесие, падает на пол, вскрикивает от боли. Камера показывает крупным планом лицо Марка. Он не помогает. Он смотрит на часы. Затем помогает ей встать, но его взгляд пустой. Холодный расчет.

Кирилл на миг открыл более старый файл: «Елена Волкова». На зернистой записи девушку поднимал молодой Виктор Гольдберг. «Десять лет назад. Её тоже убрали после падения», — сказал Кирилл и вернулся к записям Марка.

— Элизабет Картер, 2019 год, — прочитал он подпись под файлом. — Она отказалась от дуэта через неделю. Из-за «травмы», которой не было в медицинских картах. Следующая — Ирина Волкова, 2020. То же самое. Падение на тренировке, синяки, заявление о «неподходящем партнере».

Я смотрела на эти лица, искаженные болью и страхом. И вдруг поняла. На обеих записях он отпускал руки раньше, чем партнёрша успевала поставить ногу. Мне стало холодно: сегодня я падала точно так же.

— Он создает аварийные ситуации, — прошептала я. — Чтобы другие боялись работать с ним. Чтобы остаться единственным «незаменимым».

— Именно, — кивнул Кирилл. — Его отец, директор академии, считает, что такие методы воспитывают характер. Для них это норма. Для тебя — ловушка.

Злость вспыхнула во мне ярче страха. Меня использовали как инструмент для чистки кадрового состава? Как расходный материал для амбиций какого-то принца балета?

— Я ухожу, — сказала я, отталкиваясь от перил. Колени заныли, но я не обратила внимания. — Я не буду работать на психопата. Пусть забирают свою стипендию.

— Куда ты пойдешь? — голос Кирилла был твердым. — В провинцию? К матери, которая ждет от тебя денег? К друзьям, которые скажут, что ты слабая? Ты останешься здесь, Алиса. Но ты должна изменить правила.

Он встал, нависая надо мной, но не агрессивно. Защитно.

— У меня есть предложение. Тайные уроки. Восстановительная растяжка, техника безопасности, работа над пластикой вне графика. В подвале студии, где нет камер. Ночью.

— Зачем вам это? — недоверчиво спросила я.

— Потому что я вижу потенциал, который они хотят убить. И потому что... — он помедлил, — потому что я тоже устал смотреть, как он портит искусство своим деспотизмом.

Я оценивала риски. Если нас застукают в подвале, Марк назовёт это нарушением режима. Зато там я смогу снова отрабатывать падения без его внезапных команд. После сегодняшнего я хотела прежде всего научиться приземляться.

— Хорошо, — сказала я. — Но я не стану его рабой.

— Ты станешь его равным, — поправил Кирилл. — Или его тенью. Выбор за тобой.

В этот момент скрипнула дверь пожарной лестницы. Тяжелый, металлический звук разрезал тишину ночи.

Мы оба обернулись.

Марк Гольдберг стоял на пороге. В руках он держал бумажный стаканчик с кофе. Пар еще поднимался над краем, смешиваясь с холодным воздухом улицы. Его лицо было каменным. Ни эмоций. Ни гнева. Только сосредоточенное внимание хищника, заметившего добычу.

— Ты жалуешься на меня, Вересова? — его голос был ровным, но каждое слово звучало как щелчок затвора. — Или плетешь интриги за моей спиной?

Глава 5

Кирилл сделал шаг вперед, закрывая меня собой.

— Марк, это не твои дела. Мы обсуждали технику.

Марк перевел взгляд на Кирилла. Медленно. Презрительно.

— Техника, Соколов? В три часа ночи на пожарной лестнице? Твой профессионализм вызывает вопросы. А твой статус — второстепенного тренера — не дает права голоса здесь.

Он обошел Кирилла, игнорируя его присутствие, и подошел ко мне вплотную. Запах его одеколона — сандал и табак — ударил в нос. Я не отступила. Впервые за последние дни я не отвела глаз. Я посмотрела ему прямо в лицо, видя в его серых глазах отражение своего собственного, уставшего, но живого лица.

— Вы слишком громко дышите во время пауз, Гольдберг, — произнесла я холодно, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это сбивает ритм.

Тишина стала звенящей. Кирилл замер. Марк чуть наклонил голову, изучая меня новым взглядом. Не презрением. Интересом. Опасным, горящим интересом.

Он поднял правую руку и коснулся перил рядом с моей головой. Между его пальцами блеснуло что-то маленькое. Сережка. Моя потерянная сережка с прошлого занятия. Та самая, которую я искала полчаса после репетиции.

— Мелочи, — прошептал он мне на ухо, так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на коже шеи. Мурашки побежали по спине, но я сжала кулаки. — Кирилл любит спасать бродячих собак. Но помни: у него нет права голоса здесь. А у тебя есть долг. Передо мной. Перед школой. Перед собой.

Он оставил сережку на холодном металле перил.

— Завтра в восемь. Не опаздывай.

Марк развернулся и ушел обратно в здание. Дверь закрылась, отрезав нас от света коридора. Осталась только ночь, ветер и холод.

Я взяла сережку. Она была ледяной, но в моих пальцах быстро согрелась. Я сжала её в кулаке, чувствуя, как острые грани впиваются в кожу. Боль была приятной. Она возвращала меня к реальности.

Кирилл положил руку мне на плечо.

— Ты молодец, — сказал он тихо. — Но будь осторожна. Он теперь видит тебя по-настоящему.

Я кивнула, не поднимая глаз. В голове крутилась одна мысль, отчетливая, как бит метронома. Если Марк следит за каждым моим шагом, проверяет каждый мой вздох... то почему он не заметил, что я начала копировать его движения? В зеркале зала, пока он читал мне лекции о смерти искусства, я запоминала каждый его жест. Каждую микромимику. Каждую слабость в пластике, которую он считал силой.

Завтра, когда он снова сменит темп без предупреждения, я буду смотреть на его плечо. Оно поднимается раньше, чем он делает рывок. Это я успела заметить.

Это наблюдение я спрятала, как козырь, — никому не рассказала, даже Кириллу. Козырь не показывают до времени.

Следующие две недели я ходила к Кириллу до общих занятий. Училась падать, ловить опору, заново доверять ногам. Марк замечал, что я быстрее встаю, и только увеличивал нагрузку. К очередной утренней репетиции отопление в коридоре так и не включили. Я дышала в ворот футболки, чтобы хоть немного согреть подбородок. Я стояла у окна, где дуло так, что стекла звенели от вибрации, и смотрела на свои руки. Они были синими. Не фиолетовыми, как после удара, а именно синими — цветом венозной крови, застывшей под тонкой кожей.

Марк Гольдберг стоял в трёх шагах от меня. В своей идеальной форме для балета, чёрной водолазке и штанах, которые казались второй кожей. Он даже не дышал паром. Казалось, его тело было вырезано из того же льда, что и воздух вокруг нас.

— Разминка начинается здесь, Алиса, — его голос был тихим, почти интимным шепотом, который тонул в гуле сквозняка. — Без куртки. Холод делает мышцы прозрачными. Ты должна чувствовать каждую нить связки, иначе ты будешь танцевать как мешок с картошкой.

Я сжала кулаки, пряча их под мышками. Толстовка лежала на подоконнике: снять её он приказал пять минут назад. Внутри всё кричало: нет. Это было самоубийство. Но я уже научилась одному правилу игры с Марком: если ты показываешь страх, он жрёт тебя живьём. Если показываешь гнев — он ломает тебя через колено. Единственный вариант — показать безразличие. Или расчёт.

— Устав академии «Эхо», пункт 14, подпункт б, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза, стараясь не моргать, чтобы ресницы не слипались от влаги. — «Запрещено подвергать студентов риску переохлаждения вне оборудованных залов». Я могу позвать кого-нибудь из деканата. Прямо сейчас.

Марк усмехнулся. Это была не улыбка. Это было движение мышц лица, имитирующее веселье.

— Вызови, — сказал он спокойно. — И пока они будут оформлять протокол о твоих синяках, я расскажу им, что ты сама отказалась от разминки перед прослушиванием. Что ты саботировала процесс. Твоя стипендия, Вересова, висит на волоске. А мой отец... он любит чистую игру. Ты хочешь стать скандалом или профессионалом?

Он сделал шаг ближе. Его пальцы коснулись моего плеча, проверяя температуру кожи. Ледяное прикосновение обожгло.

— Или мы можем решить это по-другому. Скорая помощь едет двадцать минут. За это время ты можешь потерять чувствительность в пальцах ног. Навсегда. Выбирай.

Мой мир сузился до точки между нами. Страх холодными щупальцами пополз по позвоночнику, но я заставила себя вдохнуть. Глубоко. Резко. Боль в груди стала якорем.

В этот момент дверь зала открылась, и в коридор вышла Лиза Романова. Её золотые волосы были идеально уложены, несмотря на ветер снаружи, а лицо сияло той самой стерильной жестокостью, которая была её визитной карточкой. Она остановилась, оценивающе оглядев меня в одной футболке и джинсах, и повернулась к Марку.

— Марк, дорогой, — её голос лился мёдом поверх стекла. — Зачем тебе эта провинциалка, которая постоянно попадает в больницы? У нас есть Катя из параллельного класса. Она послушная. Она красивая. И она не будет требовать уставы цитировать. Давай заменим эту проблему. Мне кажется, твой дуэт заслуживает большей... стабильности.

Лиза протянула руку, будто пытаясь оттолкнуть меня, чтобы освободить место для Кати. Для неё я была просто препятствием. Мусором, который нужно выбросить, чтобы сцена засияла.

Я посмотрела на её накрашенные губы, на её уверенность в своей безнаказанности. И вдруг внутри меня что-то щёлкнуло. Не страх. Ярость. Чистая, холодная ярость, которая сожгла остатки сомнений.

Я не ответила Лизе. Я просто начала двигаться.

Фуэте. Полноценное фуэте. На скользком полу, в промерзшем коридоре, с синими пальцами и боковой болью в ребре. Этот элемент я делала ещё дома, на линолеуме в клубе; могла бы повторить его с закрытыми глазами. Правая нога ушла в сторону, корпус развернулся, центр тяжести сместился с точностью хирургического инструмента. Воздух вокруг меня загудел. Я слышала, как скрипит моя обувь о линолеум, чувствуя, как каждая мышца натягивается до предела, грозя порваться.

Лиза замерла с открытым ртом. На втором обороте мне пришлось уйти ближе к стене, и она поспешно отступила, чтобы я не задела её ногой. Третий оборот вывел меня на место, где она стояла секунду назад. Я резко остановилась на полупальцах опорной ноги, удержала поднятую ногу и посмотрела прямо на Лизу. Сердце бухало так, что я едва слышала скрип своей обуви.

— Стабильность, Лиза, — выдохнула я, хотя лёгкие горели огнём. — Это слово используют те, кто боится высоты.

Лиза побледнела. Она отвернулась, её каблуки простучали по полу быстрее обычного, и она исчезла за дверью, не сказав ни слова. Но прежде чем скрыться, она бросила взгляд через плечо. В нём не было страха. Был яд. Обещание. Ты ещё пожалеешь.

Марк не хлопнул. Не похвалил. Он резко шагнул вперёд и перехватил моё запястье в тот момент, когда я опускала ногу. Его хватка была железной, болезненной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.